

**Всесоюзное объединение «Антиквариат»
и Публичная библиотека в 1930-е гг.**

Попытка прикоснуться к этой теме продиктована необходимостью правдивого взгляда на некоторые эпизоды истории Публичной библиотеки, связанные с экономической и политической жизнью страны в 1920–1930-е гг. Достаточно подробно и точно рассказать о событиях тех лет пока не представляется возможным, поскольку многие материмы архива Министерства иностранных дел недоступны для исследователей.

О распродажах произведений искусства из музеев и частных собраний в 1920–1930-е гг. несколько лет назад появились статьи в прессе [8; 10]. В этих работах, на основании аукционных каталогов и зарубежных исследований, речь шла прежде всего об изъятиях из Эрмитажной коллекции. Главным источником для журналистов стала книга профессора Вашингтонского университета Р. Вильямса [9]. Объединение «Антиквариат» упоминается в диссертации В. С. Логачева [6], посвященной внешнеполитическим аспектам реконструкции народного хозяйства СССР. Географии русской книготорговли за рубежом посвящены работы доктора Стенфордского университета В. Залевского [15]. В своем докладе на Девятых Павленковских чтениях, проходивших в 1995 г. в Российской национальной библиотеке, он очертил основные пути поступления старой книги из России за границу после Октября. В докладе шла речь и об официальном экспорте, проводившемся организацией «Международная книга». Не исключено, что возникшее в 1926 г. Всесоюзное объединение по экспорту и импорту «Антиквариат» связано с этой организацией. Основным источником при подготовке этого сообщения стали материалы Архива литературы и искусства С.-Петербурга, с помощью которых был составлен приблизительный список проданных рукописей и инкунабул, а также перечень готовящихся к продаже, но не переданных в «Антиквариат». Затем, с помощью сотрудников отдела рукописей и редкой книги, эти списки проверялись по инвентарным описям и каталогам, Эта работа еще не закончена, пока составлен список французских кодексов XIII–XVI вв. и разноязычных средневековых рукописей, в работе списки греческих и латинских рукописей. Исследование будет продолжено.

Какой была политика Советского государства в области культуры после Октябрьской революции? Охраной памятников искусства и старины занялась устроенная в Петрограде «Комиссия Горького», которая призвала запретить вывоз произведений искусства. А. М. Горький писал, что американцы ассигновали 20 миллионов долларов на покупку произведений искусства из России, и запрещение их вывоза не только желательно, но и совершенно необходимо. 19 сентября 1918 г. Советским правительством был издан декрет о запрещении продажи и вывоза за границу предметов особого художественного и исторического значения. Но в том же 1918 г. на страницах газеты «Искусство коммуны» появилась статья в которой высказывалась мысль, что мировая революция не за горами, и, если мы сейчас продадим «десяток другой наших Рембрандтов», чтобы с их помощью поднять экономику, картины все равно вернуться к нам. К

политическим идеям первых лет революции прибавились экономические причины. Процессы конца 1920-х гг.: «реформа цен», переход к командно-административной экономике, продразверстка, ГУЛАГ – создали благоприятную ситуацию для Наркомвнешторга, активно поставляющего на международный рынок сверхдешевые товары и сырье. Но экономический кризис 1930-х гг. коснулся и развитых государств Европы, и США, многие страны ограничили импорт из СССР. Резко упали объемы нашей внешней торговли, что тормозило рост индустриализации. Экономическое благополучие зависело от валютного фонда страны, т. е. от экспорта [3; 4]. Тогда решено было выбросить на внешний рынок произведения искусства и бесценные образцы письменности. На фоне постановления правительства 1928 г. о запрещении изъятия или уничтожения памятников старины вышла резолюция Ленинградского обкома ВКП (б) «О второстепенном экспорте» от 23 января 1928 г., в которой предписывалось: «Признать обязательным выполнение плана экспорта антикварно-художественных ценностей, для чего принять меры к выявлению из музейного фонда и музеев предметов, пригодных и возможных к экспорту» [6]. В результате Эрмитаж лишился ряда полотен Рафаэля, Тициана, Рембрандта, Русский музей расстался с некоторыми картинами Шишкина, Куинджи, Левитана [14]. Из Публичной библиотеки были изъяты редчайшие рукописи и инкунабулы. Пострадали и другие художественные собрания Москвы и Ленинграда. Все эти жертвы были напрасными, искусство не решило проблем индустриализации и не избавило страну от полумиллиардного торгового дефицита.

Если обратиться к «Истории Государственной Публичной библиотеки», изданной в 1963 г. [5], к главам о 1930-х гг., то становится ясным, что Народный комиссариат просвещения, в ведении которого она находилась, ставил перед Библиотекой задачи собирания, хранения, обработки произведений печати и письменности. Но нет ни слова о том, что именно в это время на ценнейшие собрания Библиотеки работники Наркомвнешторга из всесоюзного объединения «Антиквариат», с позволения НКВД СССР, а значит и Советского правительства, смотрели как на средство выполнения валютного плана. Из библиотеки были изъяты и проданы редкие книги, в том числе Библия, вышедшая в типографии И. Гутенберга в Майнце около 1455 г. (в настоящее время находится в Музее книги в Швейцарии), греческие, латинские, французские средневековые рукописи, количество которых пока трудно определить в точности, и знаменитый «Синайский кодекс», относящийся к IV в. древнегреческий перевод Нового завета (в настоящее время находится в Британском музее).

Архивные данные свидетельствуют, что «Антиквариат» обратился к Публичной библиотеке в марте 1930 г. [11]. Сохранился документ, в котором НКВД возражает против выделения из Библиотеки коллекций гравюр, принадлежащих к собраниям В. И. Соболевского, И. В. Ратькова-Рожнова и Н. Д. Чечулина. В апреле 1931 г. директор Библиотеки М. М. Добраницкий обратился к заведующему сектором науки Наркомпроса И. Лупполу с просьбой не отдавать «Антиквариату» рукопись молитвенника, принадлежавшего Марии Стюарт, на том основании, что он упоминается в путеводителях и книгах, посвященных Библиотеке. Через несколько месяцев встал вопрос об изъятии 62 ру-

кописей Сен-Жерменского фонда, составляющего часть коллекции П. П. Дубровского, много лет служившего в русском посольстве во Франции. Анализ коллекции Дубровского сделан в статьях Т. П. Вороновой и Т. В. Луизовой [1; 7]. Значительную часть этого собрания составляют средневековые кодексы и документы из Парижского монастыря Сен-Жермен де Пре, библиотека которого создавалась в X в. и была старейшим книгохранилищем Франции. В начале XVIII в. в Сен-Жерменскую библиотеку поступили средневековые рукописи бенедиктинского монастыря Корби, основанного еще в VII в. и известного своей мастерской письма [2]. Ценность ленинградского фонда корбийских рукописей тем более велика, что она составляет важную часть всей коллекции корбийской библиотеки. Огромный интерес представляли старинные рукописные книги, собранные Дубровским. Среди них древнейшие памятники западноевропейской и византийской письменности, редкостные образцы художественного оформления с орнаментами и миниатюрами. В 1931 г. Библиотеке удалось их отстоять [12].

3 марта 1931 г. заместителю всесоюзного объединения «Антиквариат» Э. О. Богнару были переданы инкунабулы: латинская Библия Гутенберга в 2-х томах и Библия Шоффера. 6 апреля того же года Библия Шоффера вернулась в Библиотеку, вероятно, не найдя своего покупателя.

Основные распродажи начались в 1933 г. Сотрудники «Антиквариата» снова заинтересовались рукописями Сен-Жерменского фонда и часословами или молитвенниками (*livres d'heures*). Они интересны не текстом, который почти всегда однообразен, а художественным оформлением и надписям владельцев. Как правило, это молитвенники, сделанные по заказу высокопоставленных лиц лучшими каллиграфами и художниками-миниатюристами своего времени. Собрание часословов Государственной Публичной библиотеки чрезвычайно ценное по своей художественности и дает материал не только для истории искусства и художественного оформления книги, но и по истории средневекового быта [3].

1 февраля 1933 г., несмотря на сопротивление дирекции, приводящей доводы о разрушении коллекции, 14 рукописей из Сен-Жерменского фонда, несколько молитвенников и 9 инкунабул были выданы «Антиквариату». А в июне Библиотека лишилась рукописей и инкунабул, точное количество которых пока не известно. Добраницкий направил письмо в Наркомпрос, в котором сообщал, что это изъятие наносит большой ущерб коллекциям Библиотеки, и кроме того, что в последние годы рукописи, представляющие собой образцы корбийского письма, стали предметом исследования отечественных ученых [11]. Однако Наркомвнешторг не считался с интересами науки и целостностью библиотечных коллекций, рукописи и инкунабулы были проданы.

Интересна история, связанная с продажей знаменитого «Синайского кодекса», который был подарен 18 ноября 1869 г. монахами Синайского монастыря Александру II и передан в Публичную библиотеку [12]. 21 февраля 1925 г. Вселенский патриарх ходатайствовал о возвращении монастырю рукописи, представляющей исключительную ценность, но она не была отдана. Представители «Антиквариата» заинтересовались «Кодексом» в 1931 г., и директор обра-

тился в Наркомпрос с просьбой препятствовать продаже. Через два года, в апреле 1933 г., в Библиотеку приехал профессор Бардик (Burdik), вице-председатель библиотечного совета при Библиотеке Конгресса в Вашингтоне и вице-президент Канзасского университета. Когда ему было предложено осмотреть всю Библиотеку, Бардик отказался, объяснив, что имеет поручение Совета Библиотеки Конгресса лично убедиться, цел ли «Синайский кодекс». Предъявление рукописи привело его в большое волнение, он сказал, что будет телеграфировать в Вашингтон о том, что видел «Кодекс» своими глазами. По его словам, это вызовет интерес в политических кругах США [12]. 8 декабря того же года Нарком просвещения А. С. Бубнов «предложил» Библиотеке выдать рукопись «Антиквариату» и 19 декабря приказание было исполнено. Теперь «Синайский кодекс» украшает собрание Британского музея.

Многое из этой истории нам еще не известно. Продолжение исследования интересно не только перечнем потерь, но и возможностью узнать правду о прошедшем.

Список литературы

1. Воронова Т. П. Французские средневековые рукописи в собрании Гос. Публичной библиотеки // Средние века : сб. М., 1962. Вып. 22. С. 258–266.
2. Добиаш-Рождественская О. А. История корбийской мастерской письма в годы 651–830 по ленинградским кодексам. Л., 1934.
3. Дэвис Р. Кризис советской экономики, 1931–1933 гг.: некоторые нерешенные проблемы // Экон. науки. 1990. № 1. С. 79–86.
4. Жирмунский М. М. Организация и техника советского экспорта. М. ; Л., 1935.
5. История Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 189.
6. Логачев В. С. СССР в период реконструкции народного хозяйства: внешнеполитические аспекты: на материалах Ленинградской партийной организации. Л., 1990.
7. Луизова Т. В. Собрание рукописей П. П. Дубровского в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вопр. истории. 1952. № 8. С. 150–154.
8. Мосякин А. Продажа // Огонек. 1989. № 6. С. 18.
9. Robert C. Williams Russian Art and American Money, 1900–1945. London, 1980.
10. Семенова Н. Сталинские распродажи // Декор. искусство. 1989. № 22. С. 16–17.
11. ЦГАЛИ. Ф. 97. Оп. 2. Ед. хр. 3.
12. Там же. Ед. хр. 7.
13. Там же. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 6.
14. Там же. Ед. хр. 6, 7, 13.
15. Zalewski Wojcech. Geography of Russian Book Trade Abroad, 1918–1942 // Themes and variation. Stanford, 1994. С. 463–469.

Опалинская М. А. Всесоюзное объединение «Антиквариат» и Публичная библиотека в 1930-е гг. // XXXII научная конференция молодых специалистов : тез. докл. СПб., 25 дек. 1996 г. СПб., 1998. С. 27–31.